

УДК 821.161.1-1 Павлова В.А.

Крылова С.В.

Московский государственный областной университет

«SOSРЕАЛИЗМ» КАК МЕТОД В ЛИРИКЕ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ

Аннотация. В статье характеризуется своеобразие поэтической манеры современной популярной поэтессы Веры Павловой, которую сама Павлова назвала парадоксальным словом «SOSреализм». Лаконизм, мнимая простота, изящество, трансформация привычных культурных явлений, полемический диалог с традицией и весомая доля смысловой провокации – вот тот комплекс приёмов, который дарит радость читателю, спасает его и автора от страха смерти и страха жизни. Статья написана на материале поэтических сборников «Семь книг» (2011), «Детские альбомы: Недетские стихи» (2011) и журнальных подборок последних лет.

Ключевые слова: SOSреализм, цель поэзии, переименование культурных явлений, лаконизм, диалог с традицией.

S. Krylova

Moscow State Regional University

«SOSREALISM» AS A METHOD IN THE POETRY OF VERA PAVLOVA

Abstract. The article characterizes the originality of poetic style of popular modern poet Vera Pavlova, which Pavlova herself called paradoxical word “SOSrealism.” Conciseness, the imaginary simplicity, elegance, transformation of familiar cultural phenomena, polemical dialogue with tradition and a substantial share of the sense of provocation – here is the set of techniques that gives pleasure to the reader, and saves him and the author from fears of death and life. The article is written on the material of poetry books “Seven Books” (2011) “Baby Albums: Adult poems” (2011) and journal collections of recent years.

Keywords: SOSrealism, purpose of poetry, renaming of cultural phenomena, laconic, dialogue with tradition.

Яркое и необычное название поэтического метода – «SOSреализм» – впервые появилось в небольшой, но изящной арионовской подборке Веры Павловой с капризным заглавием «По моему хотению» (1998). Программное стихотворение занимает там, как ему и положено, первое место. Для удобства анализа приведу его целиком:

*О чём? О выживанье после смерти
за счёт инстинкта самосохраненья,
о мягкости, о снисхожденье тверди
небесной напиши стихотворенье.*

© Крылова С.В., 2014.

SOSреализм вот метод: каждой твари по паре крыльев рифм воздушных весёл, чтоб не пропали, чтобы подгребали, чтоб им дежурный голубь ветку бросил небесной яблони, сиречь оливы, цветущей, пахнущей, вечновесенней...

О том, что умирание счастливым заметно облегчает воскресенье

[7. Пунктуация в цитатах авторская. – С. К.]

Три четверостишия с перекрёстной рифмовкой, 5-стопный ямб, поэтика фрагмента... Всё знакомо и традиционно. Незнакомо, пожалуй, только центральное слово – «SOSреализм», которое и притягивает к себе вниманье звуковым сходством с соцреализмом – осмеянным и ушедшим в прошлое «основным методом советской литературы». Намеренно фонетически сближая свой окказионализм со словом-компромагом, Павлова отталкивается от него. «SOS – Save Our Souls» – спасите наши души – сигнал о помощи, посылаемый в минуту катастрофы. В свете первых четырёх строк, где затрагивается тема посмертной участи человека, «SOSреализм» кажется средством спасения не столько физического, сколько метафизического, духовного.

Мысль о выживании априори бессмертной души в духовном пространстве посмертия приобретает некий дополнительный обертон. Это не только отталкивание от ада и его мук, но, вероятно, и путь ввысь, к Богу, к единению с миром горним, это определённая духовная работа усопшего – «за счёт инстинкта самосохраненья» – заложенной в душу частицы Духа.

Следующие две строки говорят «о мягкости, о снисхожденье тверди / небесной». «Твердью» небеса названы в самой известной древней Книге – Ветхом Завете. Одним словом поэтесса переводит свой текст в библейское поле. Слова «напиши стихотворение» – приказ себе. Итак, две центральные высокие темы – загробной участи и Божьего милосердия – осознаны как задачи творчества.

Дальше библейский подтекст обыгрывается в русле сюжета о потопе: «SOSреализм вот метод: каждой твари / по паре крыльев рифм воздушных вёсел». Каждой твари по паре взял Ной в свой ковчег (Быт., гл. 6-8). Поэт предлагает каждой твари спасительные рифмы, «чтоб не пропали, чтобы подгребали, чтоб им дежурный голубь ветку бросил». К чему должна подгребать тварь Божья? К ковчегу? К очищенной после потопа земле? И почему рифмами подгребать легче? Ответа нет. Но если поэт воспевает «снисхожденье тверди небесной», это похоже на молитву – традиционный для русской поэзии жанр.

Голубь в павловском манифесте бросает ветвь «небесной яблони, сиречь оливы, / цветущей, пахнущей, вечновесенней...». Яблоня вовсе не сиречь олива, и поэтесса об этом знает. Яблоня нужна ей для того, чтобы напомнить о потерянном рае – детстве человечества, поре абсолютного счастья. В любом случае, и яблонева, и масличная ветви – символ надежды, упования на милость Божью. Вот почему заканчивается стихотворение полярным по семантике тезисом «о том, что умирание счастливым / заметно облегчает воскресенье». Счастье здесь напрямую связано с верой

в божественный промысел, а вере помогают рифмы. Получается, что «эротическая поэтесса» [10] Павлова в этом стихотворении говорит вещи чрезвычайно высокие: цель поэзии – духовная помощь ближнему, и счастье от хороших стихов распространяется не только за пределы жизни, но и за пределы смерти.

Проанализированное стихотворение принадлежит к не слишком большому, но постоянно растущему корпусу серьёзной лирики, которая у Павловой резко противостоит гораздо более объёмному пласту текстов житейских, проходных, развлекательных, а то и маргинальных – провокационного, эпатажного или откровенно неприличного содержания. Такое сочетание делает её произведения притягательными и одновременно отталкивающими. Павлова хорошо знает реакции читателя и умело играет на них. Сам факт ежедневного написания стихов, без пауз и перерывов (в этом не раз признавалась поэтесса) предполагает наличие спадов и подъёмов. Сборники и журнальные подборки поэтессы фиксируют эту волнообразную работу вдохновения – не всегда в её пользу.

Впрочем, павловское творчество – пример жизни стихами, способ дыхания ими. Как в повседневном бытии современная женщина занята житейскими пустяками и лишь изредка вспоминает о трагизме и «глубокой серьёзности жизни» (Солженицын), так и в стихах поэтессы обыденный «сор» становится не только почвой, из которой «растут стихи», но и предметом изображения. Об этом с превеликим удовольствием нам и сообщает сама поэтесса в псевдохматовской манере:

*Могла ли Биче, словно Дант,
творить,
как жёлтый одуванчик у забора?
Я научила женщин говорить.
Когда б вы знали, из какого
сора [8, с.197].*

Сор этот с самого начала был чрезвычайно женственен и нарциссичен. Критики назвали павловские миниатюры «стихотворениями-жестами» (И. Шайтанов) [11], а «центральным сюжетом» её лирики – «трансформацию телесного жеста в слово» (М. Левченко) [3]. Зрелая Павлова уходит от самолюбования, но пластика и эстетика сугубо женского отношения к миру остаётся.

Ещё одной составляющей «SOSреализма» является максимально компактная форма: в основном восьмистишия, реже 12 строк. Эти стихотворные капельки выглядят интересно и сами по себе, но в диалогическом противоречивом сцеплении друг с другом они дарят подлинное, филологически гурманское счастье. Форма обязывает к концентрации смыслов. Многозначность слов, паронимия и омонимия, различные уровни стилистического соседства – всё пускается в ход. К лаконизму стремится и синтаксис. Павлова часто пользуется односоставными предложениями, скупое употребляет личные местоимения. Деятеля у неё в основном называют глагольные окончания. А когда его, деятеля, нет, инструментарием поэтессы становятся безличные конструкции.

То есть в случае ахматовского «Я научилась просто, мудро жить...» звучало бы: «Научилась просто, мудро» и т. п. Чувствуете, куда идёт эмоционально-смысловая линия? С одной стороны, в неопределённо-личность

(по синтаксическому определению), с другой – в многоличность. Ибо на место глаголов прошедшего времени или кратких страдательных причастий можно подразумевать и «я», и «она», и «ты». Одно из автопризнаний: «Поэт, говоря о себе, говорит о всяком человеке. Всякий человек, говоря о поэте, говорит о себе» [6, с.116].

Вот пример из первого, весьма скандального сборника «Небесное животное» (1997). Тягостное раннее замужество охарактеризовано так:

*Умыкнута, замкнута
долгим замыканием.
Пряник — первый зам. кнута.
Шоколад в капкане ем.
Марс не слаще Сникерса.
Стерпится. Слипнется* [8, с. 30].

Стихотворение не может не вызвать эмоциональной реакции. Точность и неожиданность рифм (замыканием / в капкане ем), остроумное переназывание понятий (брак – не короткое, а долгое замыкание – слово, означающее не только отгороженность от мира, но и электрический шок), стремительное жонглирование фразеологизмами (кнут и пряник, хрен редьки не слаще, стерпится-слубится) и их изменение. Всё это было в поэзии и раньше, но у Павловой энергетика усиливается именно за счёт компактности её стихов и нацеленности их на вкус слова. Даже эпатажные её тексты передают смакование, острое наслаждение от игры корнями, суффиксами, смыслами, литературными подтекстами. Намеренно не цитирую их, чтобы не привлекать внимание к стихам-дразнилкам.

Третьей особенностью «SOSреализма» является постоянный диалог с традицией – поначалу очень немирный, дерзкий, но со временем

оформившийся в важный и благодарный мотив её лирики. «Из двух зол выбираю Ахматову» [9, с. 41], – как-то заявила поэтесса. Но, выбирая, она всё же вынуждена выкорчёвывать её в себе, чтобы не впасть в эпигонство. Анти-ахматовские выпады и одновременное впитывание в себя живительных соков великой предшественницы в стихах Павловой требует отдельного изучения.

Стратегия пересортировки или трансформации привычных культурных явлений, близкая к постмодернистской игре, в случае Павловой не равна ей. У поэтессы иерархичное сознание, где верх и низ находятся на подобающем месте. Для неё обращение к культурному слою (музыке, литературе, иконописи) всегда оживление канона: чаще любовное, реже дерзко-заниженное. Так, сборник «Детские альбомы, Недетские стихи» (2011) состоит из миниатюр, названия которых соответствуют заглавиям и порядку пьес в фортепианных «Детских альбомах» Чайковского и Гречанинова. Музыковед по образованию, Павлова ощущает конфликтность своих текстов с музыкой классиков. Думается, цель этих альбомов – развить (а чаще опровергнуть) ассоциативное поле заглавий, а не музыки. В каждом из стихотворений присутствует ребёнок, его сознание, описана житейская ситуация или воспроизведён монолог, кусочек диалога. Поэтесса осовременивает содержание классических пьес. Чайковско-гречаниновская невинность и гармония сталкиваются в павловском ремейке с психологическими зарисовками разного уровня: детской ревностью («Немецкая песенка»), обидой («Старинная французская песенка»), трогательной наивностью («В церкви»)

и т. п. Вот как звучит, например, стремительная «Баба-Яга» Чайковского:

Хохочущая маска,
мышьяк на шесть персон...

Чем кровожадной сказка,
тем безмятежней сон.

Невинной крови лужи,
покойников отряд...

Сестра зажала уши.

Ещё! — взмолился брат [5, с. 25. Курсив автора].

Взаимоотталкивание фольклорной сказки про Бабу-Ягу и содержания стихотворения намечено в самом начале – лексикой, совершенно невозможной для традиционного сказочного жанра: хохочущая маска и мышьяк – образы из современных триллеров и детективов. Они продолжены во втором четверостишии (про невинную кровь и отряд покойников). А перед ним – две странные строчки про несоответствие «кровожадности» сказки и реакции на неё (безмятежный сон). Только в конце мы понимаем, что это чтение вслух детям на ночь. Детский страх, как и положено в сказках про Ягу, налицо (братнино «ещё» исходит скорее от восторга перед жутью). Но мы ни на секунду не забываем, что за кадром звучит Чайковский с его милым XIX веком и другими критериями детских ужасов. Смыслы столкнулись, времена встретились, читатель оживился...

Одной из самых притягательных черт «SOSреализма» является дивная музыкальность лучших стихов поэтессы. Классические размеры и долиники, верлибры и упругая, ритмичная проза иногда обостряют читательское восприятие, а порой убаюкивают его. Как поэт, постоянно рефлексирующий по поводу своего творчества, Павлова не перестаёт удивляться сочетанию

музыки, ритма и смысла собственных стихов: «Только в стихах бывает, что слова утверждают, ритм отрицает, синтаксис сомневается, а поэт не знает, кто из них прав. А если и знает, то не скажет» [6, с. 117].

В преждевременной эпитафии себе в заслугу Павлова поставила то, что «сказала о чувствах своих / такими простыми словами, / что кажется – во все без них» [8, с. 419]. Простота языка, «точность детали / и верность высокому стилю» [8, с. 516. Курсив мой. – С. К.] украшают лучшие стихи поэтессы.

Изящные мелочи и многочисленные шалости (а иногда и хулиганство), стихотворные афоризмы и заметки для себя, лёгкие наброски с натуры и выношенное годами авторское кредо – палитра, как видим, разнообразная. Такая полярность, вероятно, необходимая часть её «SOSреализма». Эту стратегию читатель принимает далеко не всегда. Весомый корпус её стихов откровенно греховен и не имеет ничего общего со спасением. Отшатнувшись от плевелов, все ли захотят искать зёрна? А они у Павловой есть.

Мне уже доводилось говорить, что высокая нота чище и чаще всего звучит в постоянно обогащаемых тематических рядах В. Павловой: «*теме поэзии, теме вины, теме всеприсутствия Божьего, теме смерти и посмертия*» [2, с. 70].

Они очень тесно переплетены в стихах поэтессы. По мере созревания таланта эти темы занимают в её сборниках всё большее место. В прозаических миниатюрах «Сурдоперевод» (каково название!) есть характерное умозаключение: «Когда умирает настоящий поэт, оказывается, что все его стихи – о смер-

ти» [6, с.1 18]. Степень «настоящести» определит время, но процент «смертельных» стихов у Павловой стремительно возрастает. Тому виной и возраст, и утраты, и метод «SOSреализма». Ведь Save Our Souls – это вопль не только к ближним, но к Богу.

В последней журнальной подборке 2013 года под названием «Голый свет» эта тема стала одной из стержневых. Смерть близких и призрак собственной кончины вносят ноту печали в привычное павловское жизнелюбие. Печали, но не отчаяния. Поэтесса верна своему методу. Угроза смертельной болезни рождает не страх, но благодарную и задумчивую робость, обостряет зрение, заставляет ещё раз зорче взглянуть в знаки тлена и вечности, хрупкой, обречённой красоты и музыкальной гармонии, щедро разлитой в неброском русском пейзаже, которым вращает свою душу чуткий человек:

*Благовест. Полуденная нега.
Купола. Распахнутая грудь.
От густого клевера до неба —
только колокольню протянуть.
Протянула. Облако добыла.
Перистое птицами расшей.
Церковь над рекой. Цветы. Могилы.
Четвертные паузы стрижей*
[4, с. 10].

Как ни странно, многие стихи эпатажной поэтессы вписываются в традиции русской духовной поэзии с её сквозными «онтологически-мировоззренческими образами» и «субстанциональными понятиями (...) света, тишины, креста, красоты, духа» [1, с. 272]. По меткому замечанию Н.А. Котовой, «в большинстве случаев духовные поэты стараются избегать концентрации религиоз-

но-онтологической лексики и вносят сакральную семантику в обыденные явления» [1, с. 272]. Эта особенность, идущая от естественного целомудрия и эстетического чутья, в полной мере относится и к SOSреализму Павловой.

Сегодняшняя Вера Павлова, безусловно, переросла свой имидж «сексуальной контрреволюционерки» [8, 203], который так активно позиционировался в начале её поэтической карьеры. Она вступила в «предпоследний час» [4, с.5] своей жизни с надёжным методом преодоления страха – благодарным приятием бытия – и щедро делится им с читателем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Котова Н.А. Духовная поэзия в современном литературном процессе // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2007. – № 2. – С. 269-272.
2. Крылова С.В. Поэзия Веры Павловой: от эроса к судьбе // Современная русская поэзия: традиции и новаторство Вестник Международных Крымских чтений Б.А. Чичибабина ВЫПУСК 8. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – С. 68-77.
3. Левченко М. «Соитье лексем»: между текстом и телом. Вера Павлова. Совершеннолетие. — М.: Издательство О.Г.И., 2001 [Электронный ресурс] // Полит.Ру: [сайт]. [06.03.2002]. URL: <http://old.polit.ru/documents/473234.html> (дата обращения 11.07.2011).
4. Павлова В. Голый свет // Новый мир. – 2013. – № 11. – С. 3-10.
5. Павлова В. Детские альбомы: Недетские стихи. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 70 с.
6. Павлова В. За спиной у музыки // Октябрь. – 2011. – № 9. – С. 111-121. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2011/9/ra4.html>

7. Павлова В. По моему хотенью // Арион. – 1998. – № 4. [Электронный ресурс]. // Журнальный зал: [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru:81/arion/1998/4/pavlova-pr.html> (дата обращения: 12.09.2012).
8. Павлова В. Семь книг. – М.: Эксмо, 2011. – 544 с.
9. Павлова В. Сурдоперевод // Арион. – 2006. – № 2. – С. 38-42.
10. Павлова Вера. Танцую одна. Интервью Михаилу Поздняеву // http://verapavlova.ru/another_int/int4.html (дата обращения 12.01.11).
11. Шайтанов И. Метафизики и лирики // Арион. – 2000. – № 4. [Электронный ресурс]. // Журнальный зал: [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2000/4/shaitan.html> (дата обращения 11.07.2011).